

Введение

Гражданская война в Испании стала одним из главных событий XX века, и многими она воспринимается как «разминка» перед Второй мировой войной. Это оправданно, поскольку германские нацисты и итальянские фашисты оказывали военную поддержку одной стороне, а советские сталинисты – другой. Также очевидно, что некоторые вооружения, использованные во Второй мировой войне, прошли испытания в Испании в ходе Гражданской войны.

Но одно не получило достаточного освещения в репортажах о Гражданской войне тех времён и по большей части оставалось незамеченным в публикациях, выходявших после, – это социальная революция, которая происходила в пределах Республики с начала войны. Сейчас, когда история двадцатого столетия наконец написана, это может оказаться самым важным в наших знаниях о Гражданской войне в Испании.

Виктор Альба подчёркивал значение этой революции. Он писал, что «испанская революция 1936 года, при всех ограничениях, налагаемых тем фактом, что она происходила лишь в одной части страны третьего эшелона и продолжалась несколько месяцев, была единственной рабочей революцией, которую знала история... Тот, кто поразмыслит над этим, освободившись от общепринятых клише, увидит, что ни одной рабочей революции не было прежде и ни одной не произошло с тех пор»¹.

Шавьер Паньягуа также отмечал уникальность революции, которая имела место во время испанской Гражданской войны. Он пишет: «Испания оказалась единственной страной в мире, где была предпринята попытка установить либертарную модель общества. Каталония, Валенсия, Арагон и некоторые районы Кастилии и Андалусии стали местами, где, единственный раз в истории, люди попытались жить в анархии, хотя способы её практической реализации представлялись ими по-разному»².

Причины замалчивания революции

У этого молчания относительно Испанской революции были свои причины. Распространение информации о ней намеренно пресекалось теми, кто занимал посты в испанском республиканском правительстве и отвечал за популяризацию лоялистской стороны в войне, до тех пор, пока дело Республики не перестало пользоваться поддержкой за рубежом.

Листон Оук, американский журналист-коммунист, который работал в республиканском пропагандистском аппарате в начале войны и порвал со сталинистами из-за того, что он там увидел, писал в сентябре 1937 г.:

█

«Коалиция, образованная Испанской коммунистической партией с левыми республиканцами и правыми социалистами, скрывает тот факт, что в половине Испании произошла успешная социальная революция. Успешная в том смысле, что она привела к коллективизации фабрик и ферм, которые работают под контролем профсоюзов и работают вполне эффективно.

В течение тех трёх месяцев, когда я был директором пропаганды в США и Англии при Альваресе дель Вайо, тогда министре иностранных дел валенсийского правительства^{2а}, меня инструктировали не передавать ни единого слова об этой революции в экономической системе лоялистской Испании. И не одному иностранному корреспонденту в Валенсии не позволялось свободно писать о произошедшей революции»³.

Высшее руководство Испанской республики не хотело «пугать» правительственные и экономические круги Великобритании и Франции, поскольку почти до самого конца войны надеялось, что эти правительства придут, наконец, на помощь Республике или хотя бы позволят ей приобретать оружие и снаряжение в этих странах. В более широкой перспективе, они опасались, что «легитимность» республиканского режима будет подорвана откровенным изображением того, что происходило в Республике в первые недели и месяцы конфликта.

Таким образом, Гражданская война официально трактовалась республиканским правительством как простая борьба за политическую демократию и национальный суверенитет Испании. Президент Мануэль Асанья, подобно многим другим, выразил этот курс республиканского правительства в речи, которую он произнёс в Валенсии в январе 1937 г.:

“ «Я слышу, как предвзятые источники пропаганды говорят – хотя ради своего душевного здоровья я воздерживаюсь от ежедневного их прослушивания, – что мы воюем за коммунизм. Это утверждение было бы полным безумием, если бы только за ним не скрывался злой умысел. Если бы мы воевали за коммунизм, воевали бы одни коммунисты; если бы мы воевали за синдикализм, воевали бы одни синдикалисты; если бы мы были за левый, центристский или правый республиканизм, тогда воевали бы одни республиканцы. Суть не в этом; все мы сражаемся, рабочий и интеллигент, профессор и буржуа – буржуазия сражается тоже, – синдикаты и политические партии, и все мы, испанцы, которые сплотились под республиканским флагом, сражаемся за независимость Испании и за свободу испанцев, за свободу испанцев и нашей родной земли»⁴.

Помимо этого, в интересы Сталина и его последователей в Испании и во всём мире определённо не входило правдивое изображение революции, которая произошла в Республике после начала Гражданской войны. С одной стороны, эта революция не была совершена последователями Сталина и следовательно, по их определению, не являлась революцией вообще. (В своей книге о войне лидер коммунистов Долорес Ибаррури со

товарищи именуется её «псевдореволюцией»⁵.) С другой стороны, Сталин также не хотел пугать британские и французские правящие круги, надеясь, по крайней мере до середины 1938 г., что они примут участие в конфликте на стороне республиканцев, что, в свою очередь, могло спровоцировать Британию и Францию на войну с Германией и Италией, войну, которая отвлекла бы внимание Гитлера от Востока.

По некоторым признакам можно судить, что после того, как в 1938 г. он начал разрабатывать планы по переключению внимания Гитлера на Запад (кульминацией которых стал «сталинацистский пакт», заключённый в августе 1939 г.), у Сталина не осталось никаких интересов в Испании, кроме как по возможности продлить войну там до неизбежного начала Второй мировой войны.

Другая причина, по которой Испанская революция оказалась обделена вниманием, и во время Гражданской войны, и после неё, заключалась в том, что эту революцию в основном направляли анархисты, поддержанные немногочисленной Рабочей партией марксистского единства (ПОУМ) и левым крылом Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП). В отличие от коммунистов, анархисты не имели ни влиятельной международной организации, ни поддержки могущественного иностранного правительства, которое могло бы распространять новости о революции, имевшей место в республиканской Испании.

Искажение роли анархистов в Гражданской войне

Авторы, которым принадлежат наиболее читаемые книги о Гражданской войне в Испании, вышедшие с момента её окончания, также уделяли мало внимания той роли, которую играли в ней анархисты. К примеру, Хью Томас в своём объёмном труде по данному конфликту почти полностью игнорирует участие либертариёв в вооружённых силах Республики и в лучшем случае мимоходом упоминает об их экономической и политической роли^{5а}.

Книга о войне, которая, без сомнения, пользуется наибольшей известностью, роман Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол», сходным образом умаляет и искажает роль анархистов. Он оставляет впечатление, что коммунисты, русские и испанские, были единственными, кто вносил реальный вклад в борьбу. Единственные испанские командиры и бойцы, о которых говорится с одобрением, – это коммунисты Листер, Модесто и Эль Кампесино. Русские – по большей части весёлые и знающие своё дело парни. Нет никакого намёка на те средства, которые использовали в войне коммунисты, русские и испанцы, чтобы установить собственную диктатуру. Даже в случае с Андре Марти (который в первых изданиях фигурировал под именем Андре Массар), единственным коммунистом, которого Хемингуэй однозначно осуждает, его пристрастие к «чисткам» республиканских рядов подаётся как личная черта, не имеющая под собой никаких политических мотивов.

Отзывы об анархистах, разбросанные по всему роману, исключительно плохие. В сцене расправы, учинённой над мятежниками после их поражения в городке Пабло и Пилар,

пьяницами и садистами оказываются те, кто повязывает красно-чёрные платки. Военный патруль анархистов, который встречает Андрес по пути в штаб Гольца, изображён как безрассудная толпа, для которой не имеет значения, стрелять в своих или во врагов.

Отношение Хемингуэя к анархистам характеризует следующий отрывок: «Нет, друг, – с облегчением сказал Андрес. Теперь он знал, что имеет дело с самыми оголтелыми, с теми, кто носит чёрно-красные шарфы. – Viva la Libertad! [Да здравствует Свобода!]” – “Viva la FAI! Viva la CNT! [Да здравствует ФАИ! Да здравствует НКТ!] – закричали в ответ из-за вала. – Да здравствует анархо-синдикализм и свобода!»». В другом месте, где упоминаются анархисты, Хемингуэй принимает версию коммунистов о том, что Буэнавентура Дуррути «был хороший, но свои же люди расстреляли его у Пуэнте-де-лос-Франсесес. Расстреляли, потому что он погнал их в наступление. Расстреляли во имя великолепной дисциплины недисциплинированности»^{5b}.

Когда важность участия анархистов в Гражданской войне отмечалась очевидцами и позднейшими историками конфликта, это обычно делалось с целью их осуждения и дискредитации. В особенности это относится к сталинистам и тем, кто им сочувствовал.

Типичные примеры таких нападков на анархистов можно найти в истории Гражданской войны, написанной Долорес Ибаррури и её коллегами по руководству Компартии Испании в эмиграции спустя более чем четверть века после окончания конфликта. Ла Пасионария и её товарищи начинают с разделения анархистов на две группы: первые, «поскольку нужды войны вступали в конфликт с анархистскими принципами... вызывая трудности, сопротивление, колебания и даже страдания, оставляли некоторые из этих принципов и подчинялись императивам войны». Согласно авторам:

«Во вторую группу можно включить тех, кто считал своей первоочередной задачей осуществление “анархической революции”. Для этой группы война против фашизма была вторична; для них она представляла интерес прежде всего как “удобная возможность” завладеть оружием и ввести “либертарный коммунизм”. Эти анархисты рассматривали различные демократические партии, и прежде всего рабочие партии – в первую очередь коммунистов, – не как союзников, а как своих принципиальных противников...

Это отношение, в целом, отвечало политике руководства ФАИ. Существенной деталью этой политики было накопление оружия за линией фронта – с целью вооружённой борьбы против других антифашистских сил, – при том что получалось оно из республиканского лагеря. Одним из компонентов этой второй группы были люди, слабо связанные с рабочим классом, элементы социального “дна”, деклассированные, испанские и иностранные авантюристы, профессиональные гангстеры, которые составляли бóльшую часть ФАИ и присутствовали в рядах НКТ...

В дополнение к обозначенным двум группам, которые, независимо от их положительного или отрицательного значения, определялись политическими и идеологическими особенностями, следует отметить врагов и замаскированных фашистов, проникших в анархистские организации... Проникновение в ряды анархистов для этих вражеских элементов было несложным. После того, как первые выступления мятежников в крупнейших

городах Испании потерпели поражение, в Барселоне сосредоточились представители различных течений анархизма, приехавшие из разных стран Европы и Америки, среди которых было немало агентов секретных служб империалистических группировок...»⁶

Здесь уместно сделать пару комментариев по поводу подобных обвинений в адрес анархистов, которые повсеместно распространялись сталинистами во время и после войны и подхватывались не только попутчиками коммунистов, но и другими очевидцами, которые должны были лучше знать положение дел. Прежде всего, в «накоплении оружия за линией фронта» больше всех преуспели сами сталинисты и их союзники; это относится не только к их подразделениям милиции, но и к воссозданным полицейским силам, Гражданской и Штурмовой гвардии, которые в течение нескольких месяцев перешли преимущественно под контроль коммунистов. Наиболее вопиющим был пример карабинеров, небольшого пограничного патрульного корпуса, который, находясь под контролем союзника коммунистов Хуана Негрина, за время войны вырос десятикратно и, когда почти не оставалось границ, чтобы их охранять, использовался главным образом для того, чтобы подавить Испанскую революцию.

Во-вторых, следует отметить, что именно коммунисты были теми, кто стремительнее всего наращивали свои ряды с начала Гражданской войны. Более того, как мы увидим на последующих страницах, сталинисты охотнее других вербовали себе сторонников среди представителей среднего и даже высшего класса, чья верность Республике была более чем сомнительной.

Игнорирование роли анархистов в войне мятежниками

Сторонники франкистского мятежа, по собственным причинам, также стремились скрыть анархическую природу социальной революции, которая произошла на республиканской стороне, вместо этого изображая свой «крестовый поход» как борьбу против «коммунизма». Типично в этом плане «Письмо испанских епископов», объяснявшее мотивы мятежников. Оно говорило о «тщательно спланированной схеме марксистской революции»⁷. Также утверждалось, что республиканская сторона в войне представляет «материалистическую тенденцию, которая, зовётся ли она марксистской, коммунистической или анархической, стремится заменить старую цивилизацию Испании со всеми её составляющими ультрановой “цивилизацией” русских Советов»⁸. В заключение с одобрением цитировались комментарии «проницательных» наблюдателей, сводившиеся к тому, что «это гонка между большевизмом и христианской цивилизацией» и «интернациональная борьба на национальном поле: коммунизм начал на полуострове ужасающую битву, от которой зависит судьба Европы»⁹.

Иностранные пропагандисты Франко также рисовали борьбу в Испании как крестовый поход против коммунизма. Так, Эдвард Лодж Карран, священник и один из самых активных защитников дела мятежников в Соединённых Штатах, писал в одной из своих многочисленных брошюр: «В Испанской революции больше нет никакой тайны. Это борьба

между цивилизацией и коммунизмом»¹⁰. Ниже он добавлял: «Больше не являются тайной цели противоборствующих партий в Испанской революции, поскольку лидеры обеих сторон объявили их сами. Бывший премьер правительства красной Испании, Франсиско Ларго Кабальеро, открыто объявил себя сторонником создания союза советских социалистических республик на Иберийском полуострове. За этим видны Россия, и Москва, и коммунизм со всей их святотатственной и антидемократической тиранией»¹¹. В завершение Карран утверждал: «Планы коммунистической революции уже были подготовлены в мае 1936 г. под руководством Вентуры, делегата Третьего Интернационала. Народ Испании сплотился вокруг генерала Франко как раз вовремя»¹².

У мятежников и их сторонников, конечно, имелось по крайней мере две веских причины выставлять своё дело как «крестовый поход против коммунизма». С одной стороны, эта линия пропаганды была выработана для того, чтобы заручиться поддержкой общественного мнения в демократических странах, среди тех, кто, обоснованно или нет, опасался распространения коммунизма.

Однако у мятежников была и другая причина скрывать правду о том, что происходило по ту сторону фронта в первой фазе войны. Если бы они изобразили точную картину захвата фабрик и других предприятий рабочими и земли крестьянами, это, безусловно, посеяло бы семена недовольства в их собственном тылу.

Характеристика роли анархистов в Гражданской войне

Факты, однако, говорят о том, что в республиканской Испании происходила широкая социальная революция, после того как на большей части территории страны было подавлено выступление Франко и его единомышленников. Рабочие установили контроль над своими фабриками, которые стали работать под руководством избранных ими управленцев. Крестьяне – анархисты и социалисты захватили бо́льшую часть пригодной для сельского хозяйства земли, значительная часть которой стала обрабатываться стихийно возникшими коллективами. Поддержание законности и порядка в большей части республиканской Испании взяли на себя комитеты, состоявшие из представителей профсоюзов и партий, поддерживавших республиканское дело. Теми же самыми профсоюзами и партиями были организованы новые вооружённые силы, чтобы противостоять регулярной армии, поднявшей мятеж против Республики.

В целом, анархисты играли заметную роль в Республике во время Гражданской войны. Они контролировали значительную долю экономики. Они составляли самую многочисленную фракцию в рядовом составе лоялистской армии и выдвинули из своих рядов выдающихся военачальников, которые хотя и не приобрели международную известность, подобно коммунистам Эль Кампесино (Валентину Гонсалесу), Модесто и Листеру, но тем не менее сыграли заметную роль, командуя республиканскими силами в их немногочисленных крупных победах, так же как и в их поражениях.

Анархисты также играли важную роль в политике республиканской Испании. С самого начала Гражданской войны над ними довлело противоречие между традиционным для них отрицанием государства и политической власти и тем фактом, что, сыграв решающую роль в подавлении военного мятежа в более чем половине страны, они неожиданно получили эту власть. На протяжении всей войны они продолжали участвовать в политике и правительстве, чтобы, насколько это было возможно, защитить революцию и само существование собственных организаций.

Пере Ардиака, в годы войны один из руководителей сталинистской Объединённой социалистической партии Каталонии (ОСПК), несколько десятилетий спустя прокомментировал эту ситуацию Рональду Фрейзеру, говоря в особенности о начальной стадии войны: «НКТ имела реальную власть, но не знала, что с ней делать; она имела сильную революционную волю, но ей не хватало революционной последовательности... Даже если она получила власть, она не имела программы, которая завоевала бы поддержку большинства каталонского народа. Тогда она по большей части продолжала действовать так, как если бы в её руках находилась власть (но фактически не говоря об этом), и в то же время очевидным образом делила эту власть с мелкобуржуазными каталонскими партиями и нами...»¹³

Хуан Доменек, один из главных анархических лидеров в Каталонии, который девять месяцев работал в действующем, а затем и официальном правительстве региона, сделал аналогичное замечание о том, что лидеры НКТ оказались не готовы к роли членов правительства. «Как такое могло случиться? – спрашивает он. – Наша революция всегда мыслилась как упраздняющая все правительства. Теперь все мы должны были учиться. У нас, министров от НКТ, не было “линии”, как у коммунистов. Пока у нас не было значительных трудностей, НКТ полагала, что каждый из нас справляется со своими обязанностями; организация не обсуждала нашу работу. Только в случае, если перед нами вставала серьёзная проблема – а до этого почти никогда не доходило, – следовало провести собрание активистов, чтобы обсудить положение организации...»

Рональд Фрейзер, с которым беседовал Доменек, добавлял: «Конечно, НКТ стала бы гораздо сильнее, если бы у неё была определённая линия». Но он считал, что в таком случае это была бы не НКТ. «В НКТ всё обстояло так – вы либо любили её со всеми её недостатками, либо покидали её. В ней не могло быть таких вещей, как “партийная дисциплина”...»¹⁴

Анархистам с самого начала пришлось иметь дело с набиравшим силу аппаратом испанских сталинистов, получавшим поддержку советских и коминтерновских «советников» всех мастей и сталинского правительства, которое шантажировало республиканское правительство, угрожая прекратить необходимую для ведения войны помощь, если республиканское правительство не станет помогать испанским сталинистам. В противоположность анархистам, которые не знали, что делать с властью, сталинисты – как испанские, так и иностранные – очень хорошо знали, что с ней делать и как приобрести ещё больше власти, ставя своей конечной целью создание копии сталинского режима в республиканской Испании.

Анархисты не были подготовлены к той роли, которую навязала им Гражданская война. За три четверти века они всесторонне проанализировали пороки капитализма, государства, политических партий. Но они не имели ясного представления о том, чем они хотят заменить эти институты, если у них будет шанс это сделать.

И когда в начале Гражданской войны анархистам неожиданно досталась власть, они действовали скорее на основе импровизации, а не чёткой доктрины. Рядовые участники движения в городах устанавливали контроль над своими фабриками и другими предприятиями, многие из которых были брошены собственниками. В сельской местности они захватывали землю и организовывали коллективные хозяйства на свой манер.

Их усилиям по преобразованию экономики на основе рабочего и крестьянского контроля препятствовал тот факт, что в структуре их собственной массовой организации, Национальной конфедерации труда, не хватало национальных отраслевых союзов, которые могли бы послужить анархистам каркасом для организации экономики во всей Испанской республике. К тому времени, когда национальные союзы были созданы, было уже слишком поздно.

Помимо этого, получив власть в разгар гражданской войны, анархисты сразу же были вынуждены поступиться своими принципами ради укрепления фронта. Менее чем через неделю после начала конфликта анархисты Каталонии, державшие в своих руках почти всю политическую и экономическую власть, решили не осуществлять её в одиночку, а разделить со всеми прочими профессиональными союзами и партиями, поддерживавшими Республику.

Подобные уступки не прекращались всё время, пока шла Гражданская война. Это привнесло деморализацию в широкие ряды либертариев и в конечном счёте привело к острому конфликту внутри их руководства. Кроме того, это вызвало жаркие споры между испанскими анархистами и их иностранными товарищами в Международной ассоциации трудящихся.

В этой книге я постарался представить все аспекты участия анархистов в Гражданской войне в Испании. Я начинаю с вводной части, которая включает в себя характеристику идеологического фона испанского анархизма, его развития, как в контексте интернационального анархического движения, так и в рамках общественного движения Испании, в течение более чем половины столетия, предшествовавшего Гражданской войне, а также главу об организациях, которые составляли испанское анархическое, или либертарное, движение.

Во второй части речь идёт об участии анархистов в подавлении мятежа в большей части Испании в июле 1936 г. и их последующей роли в республиканских вооружённых силах. Я рассматриваю их роль в комплектовании и организации милиции – первых вооружённых сил, с которыми пришлось столкнуться регулярной армии, выступившей против Республики. Отдельно рассматриваются находившиеся под влиянием анархистов войска на Арагоно-Каталонском фронте, в обороне Мадрида и затем на других фронтах войны. В заключение я останавливаюсь на вопросе «милитаризации» милиции, её превращения в новую регулярную армию, которая должна была продолжать войну со старой, и на последствиях

этой милитаризации.

Далее я перехожу к рассмотрению организации, введённой анархистами в сельском хозяйстве на большей части республиканской Испании. Я обращаю внимание на данный процесс в Каталонии, Арагоне, Леванте (средиземноморское побережье к югу от Каталонии), а также в Кастилии, Андалусии и других регионах республиканской территории. Эти либертарные эксперименты были особенно интересны с идеологической точки зрения.

Четвёртая часть охватывает инициативы рабочих по установлению общественного контроля на фабриках, в коммунальном хозяйстве и других секторах городской экономики Республики. Я рассматриваю, каким образом эти захваты были легализованы в Каталонии и как было поставлено это дело в других частях Республики. Я также отмечаю работу, которую проделали сталинисты и их союзники, чтобы подорвать анархические коллективы как в городах, так и в сельских местах Республики.

Аналогично, я рассматриваю участие анархистов в политической жизни лоялистской Испании. Это обсуждение затрагивает не только стихийное становление революционных властей в начале войны, но и отношение анархистов к участию в воссоздании законных органов власти в разных областях Республики. Я отдельно рассматриваю участие анархистов в правительствах Каталонии, других регионов и Республики непосредственно.

Хотя на начальном этапе гражданской войны-революции анархисты играли важную роль в политике Республики, после майских событий 1937 г. они перешли к обороне, пытаюсь удержать свои позиции в экономике и политике страны под безжалостным натиском сталинистов, стремившихся захватить всю власть в Республике. Я рассуждаю о тактике коммунистов, устранявших из политики республиканской Испании всех, кто стоял на их пути, что в итоге оставило анархистов единственной влиятельной силой, не позволявшей им достичь абсолютной власти, и о реакции анархистов на эту сталинистскую кампанию. Я также пытаюсь оценить воздействие этой длительной борьбы на единство либертарного движения. Наконец, я рассматриваю роль анархистов в перевороте, сместившем правительство Хуана Негрина менее чем за месяц до конца войны, и их участие в Национальном совете обороны, учреждённом организаторами переворота.

Есть три приложения, которые не вписываются в общую структуру книги. Первое освещает вопрос об использовании анархистами насилия, особенно в отношении католической церкви, во время Гражданской войны. Второе затрагивает вопрос об отношениях испанских анархистов с интернациональной организацией, в которую они входили, – Международной ассоциацией трудящихся. В третьем перечислены некоторые ведущие фигуры анархического движения периода Гражданской войны.

Значение этого исследования не ограничивается рамками Гражданской войны в Испании. Революция, произошедшая в начале войны, была единственным случаем, когда анархисты на сколько-нибудь продолжительный период времени получили шанс реорганизовать экономику, общество и политический строй какой-либо страны. Поэтому она имеет несомненную историческую важность.

Кроме того, опыт испанских анархистов времён Гражданской войны оказался в определённой степени применим и после Второй мировой войны. Югославский режим маршала Тито после разрыва со Сталиным в 1948 г. ввёл своего рода рабочий контроль, и можно предположить, что, поскольку некоторые из будущих высших лиц титовского режима побывали в Испании во время Гражданской войны, оставшиеся у них впечатления могли каким-то образом повлиять на выбор этого сценария развития.

Наконец, после бурных выступлений в нескольких европейских странах в 1968 г., здесь возродился интерес к самоуправлению рабочих на предприятиях. Как следствие, оживился также интерес к людям, отстаивавшим эти идеи во время событий в Испании периода Гражданской войны. На мой взгляд, это свидетельствует о том, что, хотя испанские анархисты не стали вновь влиятельной политической силой в постфранкистскую эпоху (как я указал в послесловии), их опыт периода 1936–1939 гг. нисколько не утратил своей актуальности в конце двадцатого столетия.

СПРАВКА О ПУБЛИКАЦИИ

Alexander, R. J. The anarchists in the Spanish Civil War: in 2 vols. – London: Janus Publishing Co, 1999. – XXIX, VII, 1468 p.

Электронный ресурс: libcom.org: [сайт].

Роберт Джексон Александер (1918–2010) – американский политический и профсоюзный активист, политолог, историк левых движений, профессор Ратгерского университета.

Данный двухтомник является всесторонним обобщающим исследованием об участии анархистов в гражданской войне и революции в Испании в 1936–1939 гг. В книге рассматриваются роль анархистов в политике и вооруженных силах Испанской республики, экономическое и социальное развитие созданных ими коллективных предприятий в городах и сельской местности, деятельность анархистских организаций и отдельных выдающихся представителей движения.

Перевод с английского Р. Х., специально для «Электронной библиотеки имени Усталого Караула».

Версия #3

Зверобой создал 7 мая 2025 19:03:02

Зверобой обновил 7 мая 2025 21:27:16